

Диана
Чемберлен

Диана
Чемберлен

ДЕВОЧКА-БЕДА,
ИЛИ КАК СТАТЬ ХОРОШЕЙ
ЖЕНЩИНОЙ

Москва 2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ч-42

Diane Chamberlain

HER MOTHER'S SHADOW

Copyright © 2004 by Diane Chamberlain.

This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Ф. Бутаевой*

Художественное оформление *Д. Сазонова*

Чемберлен, Диана.

Ч-42 Девочка-беда, или Как стать хорошей женщиной : [роман] / Диана Чемберлен ; [пер. с англ. Ф. Бутаевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Роман-потрясение. Д. Чемберлен и Р. Коулман).

ISBN 978-5-699-87065-3

Прошли годы с тех пор, как мать Лейси погибла, но дочь по-прежнему живет в тени ее славы. Она замкнулась в себе, не доверяет мужчинам и страдает от непонимания близких. Однажды в ее жизни появляется Рик. Кажется, он может привнести в ее жизнь гармонию и прервать череду «плохих парней», которые вились вокруг нее все эти годы. Но по мере того как он сближается с Лейси, становится ясно, что он вовсе не идеальный герой, которым кажется, а человек, готовый ради исполнения заветной цели идти на беспринципные поступки...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Бутаева Ф., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87065-3

У девушки на кухне
Глаза как у ее матери –
Цвета новых джинсов
И старых сапфиров.

И волосы как у матери,
Охристо-рыжие.
И материнские губы,
И легкие, как крылья, руки.

Но...
Когда она поворачивает голову
Вот так,
Синева ее глаз
Вспыхивает янтарными искрами,
А волосы отливают золотом.

Она совсем не такая,
Как ее мать.

Пол Маселли

ПРОЛОГ

Рождество 1990

В доме, расположенном в самом центре Мантео, царило веселье. Снаружи это большое двухэтажное бревенчатое здание, служившее приютом для женщин, жертв домашнего насилия, было ничем не примечательно. Ни рождественских огней, развешанных под крышей, ни даже венка над входной дверью, как будто люди, живущие в доме, боялись привлечь внимание к нему, и, как считала Лейси, так оно и было. Безжалостные мужчины вынудили этих женщин с детьми прийти сюда, мужчины, с которыми ей не доводилось сталкиваться и которых ей трудно было представить. Но она не могла не видеть страха на лицах этих женщин и знала, что такие мужчины существуют.

Хотя снаружи дома никаких признаков праздника не было видно, внутри все было по-другому. Свежие гирлянды украшали перила лестницы, ведущей в спальню, и ветви остролиста были горкой уложены над огромным старым камином. Когда Лейси зашла в дом, она тут же почувствовала сильный запах хвои. В углу гостиной стояло огромное дерево, украшенное белыми лампочками и цветными елочными шарами, с ангелом из витражного стекла на макушке. Ангела сделала ее мать.

Дерево было живое, и Лейси не было нужды спрашивать, кто его достал. Конечно, мать. Анни О'Нил всегда настаивала на живых рождественских елках. Одна была у них дома, и Лейси знала, что, когда рождественские праздники закончатся, оба дерева будут высажены на материковой земле, подальше от песчаных почв Внешней Косы.

В тот вечер Лейси не хотелось идти в приют для женщин. Она мечтала остаться дома, послушать новые CD и примерить

новые джинсы с заклепками по бокам. Она планировала поболтать по телефону со своей лучшей подружкой Джессикой, обсудить подарки, которые они получили, и решить, какой фильм они будут смотреть завтра днем. Но мама настояла на своем.

— Тебе так повезло в жизни, — сказала она Лейси за неделю до этого. — Только представь, ты сядешь со своей семьей за рождественский стол, откроешь подарки. А эти женщины и их дети не получают ничего, *совсем*. Только *страх*, Лейси, вместо подарка на Рождество. — Ее мать говорила с большим чувством, у нее это чудесно получалось. — Их семьи разорваны на части, — продолжила она. — Угостить их обедом и спеть с ними несколько рождественских песен — это самое меньшее, что мы можем для них сделать, как ты думаешь?

Теперь, стоя в приюте за длинным столом и раскладывая рождественский обед по тарелкам, Лейси была рада, что пришла. В свои тринадцать лет она, конечно, была самой юной из волонтеров и гордилась собой, гордилась своей добротой и щедростью. Она была совсем как ее мать, к которой все остальные волонтеры обращались за указаниями. Анни О'Нил была в этой комнате главным человеком. Наверное, и деревья в углу не было бы, если бы не ее мать, и столы, заставленные едой, были бы вдвое скромнее. Может быть, и самого приюта не было бы здесь, если бы не Анни. Лейси не была в этом уверена, но похоже, что это было так.

Она улыбалась женщинам, когда накладывала зеленый горошек им на тарелки. Шесть женщин, все еще в синяках от побоев, и более дюжины ребятишек выстроились друг за другом, держа в руках тарелки из настоящего фарфора. Это ее мать настояла, чтобы волонтеры принесли из дома хорошую посуду. «Нельзя, чтобы они ели рождественский обед с одноразовых тарелок». Лейси слышала, как она говорила это одной из волонтеров несколькими неделями раньше. Тогда это показалось ей глупым, но сейчас она увидела, как много значат для этих женщин и красивые тарелки, и матерчатые салфетки, и

сверкающие огни на елке. Они нуждались во всех проявлениях красоты и теплоты, которыми их окружили сейчас.

Снаружи холодный дождь заливал деревянную обшивку дома и беспрестанно барабанил по окнам. Дождь шел весь день, холодный и ледяной, и по дороге в Мантео их машину пару раз занесло.

— Помнишь, какой снег шел на Рождество в прошлом году? — спросила ее мать, когда Лейси стала жаловаться на дождь. — Давай просто представим себе, что это снег.

Ее мать обладала неограниченным запасом оптимизма. Она могла отыскать хорошее в любой ситуации, повернуть все так, что все выглядело лучше, чем было на самом деле. Лейси была уже слишком взрослой, чтобы верить в чудеса, но мать умела и в ней разжечь веру в чудо. Поэтому, когда они заговорили о том, как прекрасно выглядит укрытая снегом природа, засыпанные пушистым белым одеялом крыши, а гребни океанских волн слева — это настоящий ледяной узор из снега и пены, Лейси вообразила все это очень ярко. Дюны Джокки-Риджа были едва различимы за потоками дождя, но ее мать расписывала, как они похожи на гладкие белые горы, вздымающиеся из-под земли. Мать и дочь делали вид, что дождь, хлеставший по ветровому стеклу машины, был на самом деле снежинками. Лейси даже пришлось заткнуть пальцами уши, чтобы не слышать стук дождя, и представлять себе то, о чем они говорили. И вскоре действительно пошел снег — стеклоочистители собирали снежинки и смахивали их с машины. Они пролетали мимо бокового стекла, как пучки белых перьев.

— *Первый Нозл...* — запела ее мать, раскладывая салатными щипцами горку зелени на тарелке какой-то девочки, и остальные волонтеры подхватили рождественский гимн. Минуту-другую Лейси стеснялась, а потом присоединилась к хору; несчастные женщины, стоявшие в очереди, не решались на это еще дольше, но вскоре пели почти все. От улыбок, робких и застенчивых, а иногда и полных благодарности, Лейси заморгала, стараясь побыстрее подавить нежданно нахлынувшие слезы.

Высокая женщина улыбалась Лейси через стол, подталкивая локтем сына, чтобы он протянул тарелку для порции зеленого горошка. Женщина пела «О, рождественское дерево» вместе со всеми, но ее сын, мальчик с наивными глазами, молчал, плотно сжав губы, и казалось, что никогда больше ни одна песня не сорвется с них. Он был меньше Лейси ростом, но, вероятно, одного с ней возраста, и она улыбнулась ему. Он быстро взглянул на нее, но потом взгляд его застыл на чем-то другом за ее спиной, от чего он вдруг разинул рот от изумления. Или, может быть, думала она позже, от страха. Его мать тоже перестала петь, уставившись на дверь позади волонтеров и выронив из рук красивую фарфоровую тарелку, полную индейки и пюре, и та со звоном упала на пол.

Лейси боялась обернуться и посмотреть на то, что вызвало такой страх на лице этой женщины. И все-таки один за другим — и волонтеры, и женщины, и дети — обернулись, и пение смолкло. К тому времени, когда Лейси смогла заставить себя взглянуть на дверь, единственным оставшимся звуком в комнате был шум дождя за окном.

Огромный мужчина стоял в дверях комнаты. Он не был толстым, но его массивное тело, казалось, заполнило каждый дюйм дверного проема сверху донизу. Зеленый бушлат на нем был насквозь мокрым, темные волосы прилипли ко лбу, а глаза под густыми нависшими бровями казались остекленевшими. Обеими руками, бледными, мясистыми, трясущимися, он держал пистолет.

Никто не закричал, как будто все крики уже были выбиты из этих несчастных. Слышался только изумленный шепот: «О боже!» и «Кто это?» — в то время как женщины хватали своих детей и тянули их под стол или в коридор.

Лейси застыла на месте с ложкой зеленого горошка в руках. Высокая женщина, уронившая тарелку, казалось, тоже остолбенела. Мальчик с наивными глазами, стоявший рядом с ней, сказал: «Папа» — и двинулся к мужчине, но мать схватила его за плечо и так крепко держала, что костяшки пальцев побелели на фоне его темно-синего свитера.

Мать Лейси вдруг выхватила ложку из рук Лейси и резко подтолкнула ее.

— Иди в коридор, — сказала она.

Лейси начала было пятиться от стола в сторону коридора, но, увидев, что мать не идет за ней, ухватилась за рукав ее блузки.

— Ты тоже иди, — сказала она, пытаясь говорить так же спокойно, как мать, но у нее это плохо получилось. Мать схватила ее за руку и вырвала свой рукав.

— Иди! — сказала она на этот раз резко, и Лейси медленно попятилась в коридор, не в состоянии ни двинуться быстрее, ни отвести глаз от мужчины.

В коридоре какая-то женщина обхватила ее и прижала к себе. С того места, где Лейси очутилась, все еще видна была часть гостиной. Ее мать и высокая женщина с сыном продолжали стоять у столов, не сводя глаз с двери, которую Лейси не могла видеть. За ее спиной какая-то женщина тихо, но настойчиво говорила по телефону:

— Приезжайте скорее. У него пистолет.

Мужчину стало видно, когда он прошел дальше в комнату. Женщина схватила мальчика с наивным лицом и заслонила его собой.

— Дорогой, — сказала женщина. Она старалась говорить спокойно, заметила Лейси, но голос у нее дрожал. — Дорогой, прости, что мы ушли. Не бей нас. Пожалуйста.

— Шлюха! — заорал мужчина на жену. И пистолет запрыгал и задержался в его трясущихся руках. — Потаскуха!

Мать Лейси встала перед женщиной и ее сыном, повернувшись лицом к мужчине и расставив в стороны руки, как будто таким образом она могла лучше их защитить.

— Пожалуйста, уберите пистолет, сэр, — сказала она, — сейчас Рождество.

Вероятно, для всех в комнате ее голос звучал сдержанно, но Лейси достаточно хорошо знала свою мать, чтобы слышать волнение в ее голосе.

— Сука! — сказал мужчина. Он быстро поднял пистолет и, прищурился, нажал на спусковой крючок. Оглушительный выстрел разорвал нависшую в комнате тишину, и женщины наконец стали кричать. Взгляд Лейси был прикован к матери, которая казалась просто удивленной — ее темно-синие глаза расширились, а рот открылся, как будто она собиралась что-то сказать. На белой ткани блузки проступило крохотное красное пятнышко, как раз над ее левой грудью. Затем она упала на пол, медленно, как будто растаяла.

Мужчина тоже упал на пол. Он уронил пистолет и, рыдая, опустил голову на руки. Какая-то женщина из волонтеров вбежала в комнату, схватила пистолет и направила его на мужчину, но тот больше не представлял угрозы, после выстрела он переменялся, вмиг стал слабым и жалким.

Лейси вырвалась из рук женщины, державшей ее, и кинулась к матери, присев на колени возле нее. Глаза матери были закрыты. Она была без сознания, но жива. Конечно, жива. Пуля, должно быть, только задела ее, так как крови на блузке было не больше, чем от укола шипом на пальце.

— Мама! — Лейси попыталась разбудить ее. — *Мамочка!* Она обернулась к мужчине, который все еще сидел, скорчившись, на полу. — Зачем вы это *сделали?* — закричала она, но он не поднял головы, чтобы ответить.

Женщины сгрудились возле нее и ее матери. Одна из них присела возле Лейси и взяла руку матери за запястье, чтобы нащупать пульс.

— Она жива, — сказала женщина.

— Конечно, жива! — огрызнулась Лейси, рассердившись на нее за то, что она могла подразумевать что-то другое. Вой сирен смешался со стуком дождя. — Ее тело просто нуждается в отдыхе после такого испуга. — Ей послышался голос матери в собственных словах — Анни сказала бы нечто подобное в таком случае.

Женщина, которую намеревался убить мужчина, понуро сидела в углу, обняв сына. Лейси слышала, как она повторяла снова и снова в пропитанный сосновым запахом воздух комнаты:

— Простите меня, простите меня!

А другая женщина говорила ей:

— Это не твоя вина, дорогая.

Но это была *ее* вина. Если бы она и ее сын не пришли сюда, этот сумасшедший не прибежал бы сюда и не застрелил ее мать.

Вдруг комната заполнилась мужчинами и женщинами в униформе. Они мелькали перед Лейси, и голоса у них были громкие и лающие. Кто-то пытался оттащить ее от матери, но она оставалась на полу, не желая отодвигаться больше чем на несколько футов. Она видела, как какой-то мужчина распахнул блузку матери и разрезал бюстгальтер, обнажив ее левую грудь на всеобщее обозрение. На груди была ямочка. Просто кровавый след и ямочка, и это давало Лейси надежду. У нее бывали гораздо более серьезные ушибы, когда она падала с велосипеда.

Она встала, чтобы лучше все видеть, и женщина, которая раньше пыталась удержать ее в коридоре, обхватила ее сзади за плечи, скрестив свои руки впереди, будто боялась, что она может снова попытаться подбежать к матери. Именно это Лейси и хотела сделать, но не могла — и из-за пережитого шока, и из-за тяжелых рук, не дававших ей шелохнуться. Она видела, как люди в униформе подняли ее мать на носилки и покатали их из комнаты. Стрелявшего мужчины уже не было там, и она поняла, что его уже увели полицейские.

Лейси дернула женщину за руку.

— Я хочу поехать с ней, — сказала она.

— Я отвезу тебя, — ответила женщина, — мы можем поехать за «Скорой помощью». Ты же не хочешь ехать в машине вместе с врачами.

— Нет, *хочу!* Там моя мать! — крикнула Лейси, но женщина удержала ее.

Перестав сопротивляться, Лейси позволила женщине вывести себя из дома через парадный вход. Лейси обернулась посмотреть, как ее мать погрузят в машину «Скорой помощи». Что-то холодное коснулось ее носа, щек и губ, и она подняла голову к темному небу. Только тогда она поняла, что все еще идет снег.

ГЛАВА 1

Июнь 2003

Цепь, преграждавшая въезд на покрытую гравием дорогу, свободно болталась на столбе, и Лейси была благодарна Клею за то, что он оставил ворота незапертыми.

— Ты повесишь цепь на место, когда довезешь меня и поедешь обратно? — спросила она Тома.

— Без проблем.

Он проехал между столбами и по узкой лесной дороге и слишком быстро повел машину по рытвинам и ухабам.

Лейси уперлась ладонью в приборный щит, чтобы не упасть. Несмотря на сумерки, на затененной деревьями узкой дороге, покрытой гравием и ведущей к Киссриверскому маяку, было совсем темно.

— Ты бы лучше ехал помедленнее, — сказала она. — Я чуть не задавила опоссума на этой дороге вчера вечером.

Том послушно перестал жать на газ.

— Я рад, что ты живешь здесь с Клеем, — сказал он тем отеческим тоном, к которому иногда прибегал, с тех пор как десять лет назад узнал о том, что является ее биологическим отцом. — Если бы ты жила здесь одна, я бы все время беспокоился о тебе.

— Ну, — сказала Лейси со вздохом. — Недолго мне еще осталось жить здесь.

Береговая служба наконец решила превратить почти отставрированный дом смотрителя маяка в музей, хотя она надеялась, что к такому решению никогда не придет.

— Ты расстроена этим, а?

— Да, немного.

Она была откровенно напугана, но отчего, и сама не могла бы сказать. Изолированность дома более чем устраивала ее, она была ей необходима, особенно в этот, такой тяжелый последний год.

— Когда они хотят, чтобы ты съехала? — спросил Том. Они приближались к концу дороги. Сквозь деревья стал пробиваться сумеречный свет, и можно было ясно разглядеть седину в его вьющихся светлых волосах, собранных в конский хвост, и блеск небольшого золотого кольца в ухе.

— Где-то в первых числах нового года, — сказала она.

— Где ты... о, черт.

Том выехал с дороги на парковку, и дом смотрителя предстал перед ними в закатном свете. Отделанные витражным стеклом верхние части окон пылали и переливались.

Она проследила за его изумленным взглядом.

— За полтора года, что я здесь живу, ты не любовался на дом после заката? — спросила она.

Том поставил машину на парковке и, выйдя на улицу, уставился на дом с пораженной улыбкой. Качая головой в изумлении, он притянул Лейси к себе и поцеловал в макушку, обдав ее запахом табака. Она заставила его бросить пить, но ей не удалось заставить его бросить курить.

— Ты прямо как мать, Лейси, — сказал он. — Это именно то, что сделала бы Анни. Она превратила бы дом во что-то... не знаю. Что-то волшебное.

Лейси была разочарована. Ей хотелось сказать ему, что она не так уж похожа на мать, что она весь год очень старалась изжить в себе черты матери. Очевидно, ей это не удалось. В этом трудно было преуспеть, когда у нее не было своего собственного «Я», которое могло бы занять место той, от которой она пыталась избавиться.

Она удивилась, заметив фургон отца на парковке рядом с джипом Клея.